

ГОРОД СТРАШНОЙ НОЧИ¹

Плотная влажная жара висела над лицом земли, подобно одеялу, и с самого начала лишала всякой надежды на сон. Да еще цикады, вторящие жаре, да еще шакалий вой, вторящий цикадам! Не было никаких сил сидеть сиднем в темном, пустом, гулком доме и смотреть, как панкха² гоняет недвижный воздух. А потому в десять вечера я уткнул свою трость в землю посреди сада и стал смотреть, в какую сторону она упадет. Трость указала в точности на озаренную луною дорогу, что ведет в Город Страшной Ночи. Звук падения потревожил зайчиху. Она, прихрамывая, вскочила со своей лежки и припустила через заброшенное магометанское кладбище, где черепа без челюстей и обломанные берцовые кости, беспощадно обнаженные июльскими ливнями, мерцали перламутром в изрытой дождями почве. Горячий воздух и тяжелая земля даже мертвых заставили выбраться наружу в поисках прохлады. Зайчиха ковыляла все дальше; с любопытством понюхала черепок закопченного светильника и канула в тень купы тамарисковых деревьев.

¹ Рассказ «The City of Dreadful Night» впервые опубликован в газете *Civil and Military Gazette* 10 сентября 1885 г., а затем включен Киплингом в сборник «Life's Handicap» («Жизнь дает фору», 1891). Название рассказу дала опубликованная в 1880 г. одноименная философская поэма «лауреата пессимизма» Джеймса Томсона (1834–1882).

² *Панкха* — подвесное опахало в Британской Индии.

В хижине плетельщика циновок под стеной индуистского храма спящие лежали вповалку, точно укутанные пеленами трупы. В вышине горело немигающее око Луны. Тьма создает хотя бы иллюзию прохлады. И не верилось, что льющийя с небес поток света не жарок. Не столь горячий, как солнечный свет, все равно он обдавал тошнотворным жаром и без нужды перегревал душный воздух. Дорога в Город Страшной Ночи была пряма, как полоса полированной стали; и по обе стороны дороги в самых фантастических позах возлежали на своих ложах тела — сто семьдесят человеческих тел. Одни с головы до ног закутанные в белое, с замотанными ртами; иные нагие и черные, точно эбеновое дерево, в этом слепящем свете; а один, что лежал с отвалившейся челюстью навзничь поодаль от прочих, — серебристо-белый и пепельно-серый.

«Это спящий прокаженный; а все прочие — усталые кули¹, и слуги, и мелкие лавочники, и кучера наемных повозок, что стоят поблизости. Место действия — главная дорога, ведущая в Лахор, время действия — жаркая августовская ночь». Только и всего; однако же это далеко не все, что я мог видеть. Колдовство лунного света разливалось повсюду; и мир чудовищно преобразился. Этот длинный ряд нагих мертвецов, завершающийся застывшей серебряной статуей, был весьма неприятен на вид. И мужчины, одни только мужчины. А что же женщины? Они, стало быть, вынуждены спать в духоте глинобитных хижин, насколько уж возможно там уснуть? Сердитый детский плач, раздавшийся с низкой крыши, ответил на мой вопрос. Где дети — там, несомненно, и матери, которые за ними глядят. А в такую душную ночь нужен глаз да глаз! Вон круг-

¹ *Кули* — так именовались наемные работники из Индии и Китая, которых массово завозили в колонии европейских держав, а также в США.

лая черная головенка выглянула из-за стенки, которой обнесена крыша, вон уже и тонкая — тонюсенькая — смуглая ножонка тянется к водосточному желобу... Резко звякнули стеклянные браслеты; из-за стенки на миг показалась женская рука, обвилась вокруг тощей детской шейки, и протестующее дитя утащили обратно, в убежище кровати. Пронзительный детский плач умер в душном воздухе почти сразу, как родился, — даже детям этой земли было слишком жарко плакать.

Еще трупы; еще полосы залитой луной, белой дороги; вереница спящих верблюдов на обочине; показавшиеся мельком рыщущие шакалы; лошадки, спящие в оглоблях двуколок-эек, даже не распряженные на ночь, и эти деревенские двуколки, подмигивающие медными гвоздями в лунном свете, — и опять трупы. Под покосившейся телегой, под древесным стволом, под распиленным бревном, повсюду, где пара бамбучин и несколько пучков соломы создают хоть какую-то тень, земля сплошь усеяна телами. Они лежат — кто ничком, сложа руки, прямо в пыли; кто на спине, подложив под голову сцепленные руки; кто свернувшись клубочком по-собачьи; кто джутовым мешком свисает через бортик телеги; а некоторые спят сидя, уткнувшись лбом в колени в ослепительном сиянье Луны. Было бы не так жутко, если бы они хоть храпели; но они не храпят, и сходство с трупами полное, за исключением одного. Тощие псы обнюхивают их — и отходят прочь. Тут и там крохотное дитя спит в постели своего отца, и тот ни на миг не убирает хранящей его руки. Однако по большей части дети все же с матерями, на крышах. Желтокожих белозубых парий нельзя подпускать к смуглым телам.

Удушливо-горячий порыв ветра из зева Делийских ворот едва не отбивает у меня все желание входить в этот час в Город Страшной Ночи. Все виды зловония, животного и растительного, какие только способен про-

изводить днем и ночью обнесенный стенами город, слиты воедино в этом порыве. Жара в недвижных банановых и апельсиновых рощах под стенами города кажется по сравнению с этим едва ли не прохладой. Помоги Бог всем больным и маленьким детям, что в эту ночь находятся в городе! Высокие стены домов до сих пор пышут убийственным жаром, а по темным узким проулкам гуляют вонючие сквозняки, способные отравить буйвола. Впрочем, буйволам это безразлично. Вон целое стадо шествует по пустынной главной улице. Время от времени они останавливаются, чтобы уткнуться своей массивной мордой в запертые ставни какой-нибудь лавчонки, торгующей зерном, и шумно фыркают, точно киты.

Потом воцаряется тишина — тишина, полная ночных шумов большого города. Вон еле-еле слышно доносится перезвон какого-то струнного инструмента. Вот над головой кто-то открывает окно, и скрип деревянных створок гулко разносится по пустынной улице. На одной из крыш курят кальян; мужчины беседуют вполголоса, и слышится бульканье трубки. Чуть подальше разговор слышен отчетливей. Меж раздвижных ставен лавки пробивается полоска света. Внутри купец с усталыми глазами и трехдневной щетиной сверяет свои конторские книги среди громоздящихся со всех сторон тюков набивного ситца. Три фигуры, укутанные в белое, составляют ему компанию и время от времени подбрасывают реплики. Купец вносит запись, потом говорит что-то; утирает тылом кисти струящийся со лба пот. Жара в тесном проулке чудовищная. А уж внутри лавок, должно быть, и подавно невыносимая. Однако ж дело движется своим чередом: запись в книге, гортанная фраза и взмах утирающей руки сменяют друг друга с механической точностью.

Поперек дороги к мечети Вазир-Хана лежит полицейский, без тюрбана, крепко спящий. Полоса лунно-

го света падает спящему прямо на глаза и на лоб, но он даже не шелохнется. Время к полуночи, жара, похоже, только усиливается. Открытая площадь перед мечетью завалена телами — идти приходится с оглядкой, иначе наступишь. Высокий фасад мечети с его разноцветной блестящей плиткой расписан широкими косыми полосами лунного света; и каждый отдельный голубь, спящий в нише, каждый выступ кладки отбрасывает короткую резкую тень. Призраки в белом устало встают со своих тюфяков и скрываются в темных глубинах здания. Возможно ли подняться на один из высоких минаретов и взглянуть оттуда на город? Ну, как бы то ни было, попробовать стоит — и есть надежда, что дверь на лестницу не заперта. Дверь и впрямь открыта; но поперек проема лежит крепко спящий привратник с лицом, обращенным к луне. Заслышав приближающиеся шаги, из складок его тюрбана выбегает крыса. Человек кричит, ненадолго приоткрывает глаза, поворачивается на другой бок и засыпает снова. Вся жара десятка яростных индийских августов скопилась в черных как смоль, отполированных стенах винтовой лестницы. На полпути наверх сидит что-то живое, теплое, пернатое, и оно храпит. Заслышав мои приближающиеся шаги, оно перебирается со ступеньки на ступеньку, все выше и выше, долетает до самой вершины и оказывается желтоглазым злющим коршуном. Десятки коршунов ночуют на этом и других минаретах, и на куполах внизу. На такой высоте присутствует хоть тень прохлады, или по меньшей мере ночной ветерок не так жгуч. Освежившись таким образом, поворачиваюсь, чтобы взглянуть на Город Страшной Ночи.

Словно гравюра Доре предо мною! Золя мог бы описать эту сцену: это зрелище тысяч людей, спящих в лунном свете и в тени Луны. Крыши домов сплошь устланы телами мужчин, женщин и детей; воздух полон невнятных звуков. В Городе Страшной Ночи спят

неспокойно — и неудивительно! Чудо, что они вообще могут дышать. Если пристально взглядеться в эти полчища, становится видно, что они почти так же подвижны, как и дневная толпа, — только ночная суета не столь шумная. Повсюду в ярких лунных лучах видно, как спящие ворочаются с боку на бок, то и дело поправляют и расправляют подушки и тюфяки. И во дворах домов, похожих на колодцы, то же беспокойное движение.

Безжалостная Луна высвечивает все подряд. И равнины за городом, и проблескивающую на пядь свободную от стен реку Рави. И вот наконец всплеск серебра на крыше прямо под самым минаретом. Какой-то бедолага поднялся, чтобы опрокинуть на свое разгоряченное тело кувшин воды; журчанье падающих струек слабо доносится сюда, ввысь. Еще двое или трое людей в отдаленных уголках Города Страшной Ночи следуют его примеру; вода взблескивает сигналами гелиографа. Вот облачко проплывает над ликом Луны, и город с его обитателями, прежде четко очерченные в черно-белых тонах, тонут в черном и еще более черном. Но беспокойные звуки слышатся по-прежнему, дыхание огромного города, накрытого жарой, голоса людей, тщетно ищущих покоя. Только женщины низших классов ночуют на крышах. А каково же мученье в зарешеченных покоях гаремов, где еще и теплятся светильники? Во дворе внизу слышатся шаги. То муэдзин — добросовестный служитель; однако ему следовало бы явиться сюда еще час назад, поведать правоверным, что лучше молиться, чем спать, ибо сон все равно не придет.

Муэдзин некоторое время возится с дверью одного из минаретов, исчезает внутри, и вскоре бычий рев — великолепный громоподобный бас — оповещает о том, что он поднялся на вершину минарета. Этот голос, должно быть, разносится до самых берегов иссохшей Рави! Даже тут, на другом конце двора, он кажется оглу-

шительным. Облако уплывает прочь, и фигура муэдзина вырисовывается черным силуэтом на фоне неба — уши зажаты, широкая грудь вздымается, раздувая легкие: «Аллаху акбар!» — и пауза, пока другой муэдзин откуда-то со стороны Золотого храма откликается: «Аллаху акбар!» Снова и снова; всего четырежды; и человек десять уже поднялись со своих постелей. «Свидетельствую, что нет Бога, кроме Бога!» Сколь великолепен этот возглас, исповедание веры, что в полночный час заставляет людей десятками подниматься с постели! И вновь прогремела та же фраза; муэдзин дрожит всем телом от мощи собственного голоса; а затем, вдали и вблизи, ночной воздух звенит от «Магомет — пророк Божий!». Муэдзин словно бы бросает вызов дальнему горизонту, где обнаженным мечом играет и пляшет летняя зарница. Все муэдзины в городе возглашают в полный голос, и некоторые люди на крышах начинают преклонять колени. Долгая пауза — и последний возглас: «Ла илаха илла-лла!» — и вновь тишина опускается на город, точно пресс на кипу хлопка.

Муэдзин ковыляет вниз по темной лестнице, что-то ворча себе в бороду. Минует арку входа и исчезает. И вновь удушливое молчание воцаряется в Городе Страшной Ночи. Снова засыпают коршуны на минаретах, храпя громче прежнего; жаркий ветер налетает порывами и ленивыми вихрями, Луна скользит вниз, к горизонту. Можно сесть, облокотившись на парапет башни, и до рассвета смотреть на этот томимый жарою улей и дивиться ему. «Как они живут там, внизу? О чем думают? Когда они пробудятся?» Снова журчанье воды, выливаемой из кувшинов; слабое скрипенье деревянных кроватей, которые задвигают в тень или выдвигают из тени; нескладное бречанье струн, которое расстояние превращает в жалобные стоны, и один раз — глухое ворчанье отдаленного грома. Во дворе мечети привратник, который спал на пороге минарета, ко-

гда я пришел, дико вскидывается во сне, воздевает руки над головой, что-то бормочет и снова валится на землю. Убаюканный храпением коршунов (они и впрямь храпят, точь-в-точь объевшийся человек), я погружаюсь в беспокойную дремоту, сознавая, что пробило три и что в воздухе слегка — совсем чуть-чуть — повеяло прохладой. Город теперь абсолютно тих, не считая любовных песен какого-то бродячего пса. Кругом лишь тяжкий, мертвый сон.

Потом минует еще несколько недель темноты. Ибо Луна села. Даже собаки умолкли, и я жду первых проблесков зари, прежде чем пуститься в обратный путь, домой. Вот снова шарканье ног. Вот-вот начнется утренняя молитва, мое ночное бдение кончено. «Аллаху акбар! Аллаху акбар!» Восток сереет, потом делается шафрановым. Налетает рассветный ветер, словно это муэдзин его призвал. Город Страшной Ночи — все как один — поднимается со своих постелей и обращается лицом навстречу грядущему дню. С возвращением жизни возвращается и звук. Сперва тихий ропот, потом глухой, басовитый гул — не следует забывать, что весь город ночует на крышах. Веки мои тяжелеют, отдавая долг отложенному надолго сну. Я выхожу из минарета во двор, а со двора на площадь, где спящие уже пробудились, убирают свои лежанки и обсуждают утренний кальян. Мимолетная свежесть воздуха развеялась, снова такая же жара, как и прежде.

— Не будет ли сахиб столь добр посторониться?

Что такое? В утренних сумерках люди что-то несут на плечах. Я отхожу в сторону. Тело женщины тащат на гхат, туда, где разводят погребальные костры. Зевака говорит: «Она умерла в полночь от этой жары». Что ж, выходит, это не только город Ночи, но и город Смерти.

ИНДИЙСКИЙ ПРИЗРАК В АНГЛИИ¹

История эта сейчас весьма кстати, даже несмотря на место происхождения призрака, — во-первых, потому что события в ней произошли аккурат перед прошлыми всеобщими выборами, а во-вторых, потому что на пороге Рождество, когда призракам, как устрицам, самое время.

Одинокий всадник: что может быть лучшим — ну или более избитым — началом для ледящего душу рассказа о крови и ужасах? И все-таки в данном случае одиночество всадника было сколь несомненным, столь же и неприятным для него самого. Итак, одинокий всадник отчаянно спешил к своей цели; впрочем, спеши не спеши, а по времени он все равно бы мало что выиграл, ибо дорога была на редкость скверная — из Честера в Тарпорли. Те, кому знаком этот уголок Англии, охотно подтвердят, что для долгой поездки сырым и промозглым февральским вечером стоило выбрать иную местность, и нашего одинокого всадника, только что возвратившегося из Индии, такое положение дел никак не радовало. Миллю за милей скакал он напрямик по раскисшим голым дорогам, перемежавшимся мокрыми вересковыми пустошами и мрачными ельниками, мимо стоячих озер и зарослей камыша, куп утесника и ольховых дебрей, не встретив ни единой живой души с тех пор, как оставил позади жухлый безлистный пейзаж района солеварен, где овцы чернее но-

¹ Рассказ «An Indian Ghost in England» впервые опубликован в газете *Pioneer* 10 декабря 1885 г.

чи, а трава, которую они жуют, хрустит от сажи из солевых печей, и когда наконец дорога разветвилась надвое и на одной табличке дорожного указателя всадник прочел: «Тарпорли, 6 миль», а на другой — «Будворт, ½ мили», то, вполне естественно, устремил жадный взор в сторону Будворта. Сквозь сгущающиеся сумерки он разглядел мерцающий свет в окнах деревенских домов, расслышал звонкие крики беззаботной детворы, и, что милее всего, узрел алое пламя очага в заведении, являвшем собой не что иное, как сельскую гостиницу. Это решило его выбор, и он направил коня к «Георгу». Камин, ужин, бутылка вина; и вот, как полагается в романах, наш одинокий всадник погружается в невеселые думы. Возможно, причиной его хандры стало то, что в дороге он продрог; возможно, он жалел, что не исполнил своего намерения добраться до Тарпорли. Как бы то ни было, душа его не находила покоя, и он то и дело подхватывался и глядел в окно.

Ночь выдалась холодной и стылой, волглые туманы пухлыми белыми клоками стелются над водой и сушей. Порывы ветра наполняют старую постройку тревожными звуками и поминутно швыряют в окно дробь дождевых капель.

Гостиничная прислуга перед сном заглядывает в комнату с вопросом, не надо ли чего сэру. Выяснив, что сэру ничего не нужно, желает ему покойной ночи и нерешительно удаляется, но у двери оборачивается:

— На вашем месте я б за полночь-то не сидела, мистер. Нынче не след бодрствовать. А коль уснете, так, бог даст, и не услышите.

— Чего не услышу?

— А? О том не скажу. Может, вы подумаете, что ветер воет, да и только. — Прислуга захлопывает дверь и исчезает.

— Хм, — бормочет себе под нос наш герой, — с какой стати эта женщина решила, будто я, черт побери, должен что-то услышать?

Его снова тянет к окну, и, раз-другой смерив комнату шагами, он вновь встает у оконного проема и вглядывается в темноту.

Дождь прекратился, меж гонимых ветром туч слабо пробивается что-то похожее на лунный свет. Ветер горестно завывает над безмолвной деревней; он треплет гостиничную вывеску, так что та начинает стонать, точно неупокоенный дух с церковного кладбища напротив. В отдалении виден квадратный силуэт мельницы; она смутно чернеет над длинной полоской пруда, обрамленного камышом. Когда ветер долетает до берега, камыш трепещет вместе с соседками-ольхами. Они будто бы что-то шепчут, склоняясь друг к дружке и к прибрежным ивам, чьи плакучие ветви тянут свои причудливые руки к краю темных вод. Узкие волны скорбно ударяются о берег, в камышах слышен плеск и шелест — они тоже словно бы жмутся друг к другу и шепчут: «Слышите? Он идет!»

Резко шлепнув хвостом, где-то уходит на глубину огромная щука; следом ночь прорезает тревожный вскрик болотной птицы, точно быстрые крылья торопятся унести ее прочь от зловещего места. Затем и сам ветер как будто бы спускается к земле и, затаив дыхание, прислушивается, и там, вдалеке, над устьем впадающего в пруд ручья, где стоит ветхий домишко — крохотная точка на краю мерцающей водной глади, — сквозь клубы тумана прорывается низкий, протяжный, тоскливый вой. Слышащему его вой кажется отчасти знакомым, в голове нашего героя вспыхивают воспоминания, и мыслями он возвращается к одиноким ночам в джунглях Индии. Он распахивает створки и выглядывает из окна. Вой захлебывается и угасает за дальним изгибом пруда, где дорога сворачивает в деревню. «Он идет!» Вздрогнув, ветер выскакивает из зарослей камыша и несется над лугами, окутанными витой дымкой тумана, к болотам и ельникам — куда угодно, лишь

бы подальше от развалюхи у пруда, подальше от церковного кладбища и засохшего тиса у ворот.

Некогда, поведала хозяйка гостиницы нашему путешественнику, спешившемуся у крыльца, тис был могуч и, подобно другим деревьям, широко простирал свои густые зеленые ветви, но много лет назад на него, по слухам, пало проклятье. Тис поник и высох, и после того, как листва с него облетела, на самом большом суку стала видна темная полусгнившая веревка, свисавшая так, будто ее отягощал труп. «Убийства не скроешь», — сказали жители деревни, и хотя один из них утверждал, что мальчишкой самолично повесил на дерево качели и веревка вполне могла остаться от них, соседи придерживались иного мнения. Старый Кауп, поговаривали они, тот, что жил в домике у пруда, теперь почти рассыпавшемся, и плохо обращался со своей дочкой, мог бы рассказать об этой веревке и способах ее использования такое, чего большинству из нас не захотелось бы слышать. Но старый Кауп и его дочка давным-давно сгинули — почему и куда, неизвестно, просто в одночасье исчезли, — и с тех пор дом у пруда пустовал; когда же тис засох и показалась веревка, селяне утвердились в мысли, что Кауп совершил страшное злодеяние, а дом обрел дурную славу и окончательно пришел в запустение. Никто не заглядывал в него даже при свете солнца. Такая же участь постигла и дерево: прежде днем в его ветвях весело играла ребятня, а ночью — залихватски свистел ветер, но, говорят, уже много лет, пролетая над кладбищем, ветер ни разу не шелохнул ни веревку, ни сук, с которого она свисала, а детишки по вечерам старались прошмыгнуть мимо проклятого тиса поскорее. Вот уже с месяц почти каждую ночь в деревне слышали «адского пса»: с воем он выскакивал из развалюхи у пруда, минуя тис, забегал на кладбище и все рыл и рыл когтями церковную землю. Деревенские жители единодушно решили, что старый Кауп помер, а его

грешный дух возвратился на место злодеяния, чтобы выкопать на церковной земле могилу и похоронить кости своей жертвы.

Теперь, когда гулкий вой делается ближе, наш путешественник вспоминает этот рассказ и, чувствуя себя несколько неуютно, продолжает смотреть в окно. Гробовая тишина тяжелой, удушливой пеленой накрыла и воду, и сушу. Вой призрака все ближе, все громче. Селяне в своих кроватях сжимаются в комок и шепчут: «Адский пес! Он идет сюда!» Внезапно звук отчетливо раздается совсем рядом, и в ту самую минуту, когда дверь распаивается и объятая ужасом хозяйка гостиницы врывается в комнату постояльца с криком: «Ох, сэр! Он уж тут!», наш герой безошибочно узнает хриплый вой индийского шакала.

— Это не призрак, хозяйюшка, а лиса или какая-нибудь дикая собака. Будь я в Индии, решил бы, что это обыкновенный шакал.

— Чак Ал, говорите? Эй, Том! — окликнула хозяйка слугу, жавшегося в дверях и перепуганного еще сильнее нее. — Как бишь звали того лохматого волка, что прошлым летом сбежал из зверинца в Тарпорли, и больше его не видали?

— Чак Ал его звали, мэм!

Наш путешественник с облегчением вернулся в постель. Поутру, осмотрев разрушенную хибару Каупа, селяне обнаружили в ней не только удобное логово мастера Чака, но и обрывки ветхого письма, адресованного Каупу и извещавшего о том, что после смерти брата ему отошла ферма в другом графстве. Письма же любопытных соседей, отправленные в упомянутое графство, застали Каупа если не в покое, то в достатке: он проживал вместе со своей дочерью, которая, вовсе не будучи убиенной, унаследовала сварливый характер своей матери и, по утверждению новых соседей Каупа, всячески изводила старика-отца.

РИКША-ПРИЗРАК¹

Да не смутят меня виденья,
Нечистой силы наважденья!
«Вечерний гимн»²

Одно из немногих преимуществ Индии над Англией — это возможность завести широкие знакомства. Прослужив пять лет, вы прямо или косвенно соприкасаетесь с двумя-тремя сотнями чиновников своей провинции, со всеми офицерами десятка полков и батарей и еще с полутора тысячей лиц, не состоящих на государственной службе. Через десять лет число ваших знакомых удваивается, а через двадцать вы уже знаете — лично или понаслышке — каждого англичанина в империи и, куда бы вы ни поехали, вам нигде не придется платить по счетам.

Туристы, полагающие, что их право — встречать всюду радушный прием, совсем еще недавно злоупотребляли этим нашим простосердечием, однако и сейчас еще, если вы принадлежите к числу постоянно живу-

¹ Рассказ «The Phantom Rickshaw» впервые опубликован в *Quartette: The Christmas Annual of the Civil & Military Gazette* в декабре 1885 г., а затем включен Киплингем в сборники «The Phantom Rickshaw and Other Eerie Tales» («Рикша-призрак» и другие сверхъестественные истории», 1888; Indian Railway Library, No. 5) и «Wee Willie Winkie and Other Stories» («Крошка Уилли Уинки» и другие рассказы», 1888).

² Из гимна «Glory to Thee, My God, This Night» епископа Томаса Кена (1637–1711).

щих здесь англичан и если вы не какой-нибудь грубиян или паршивая овца в стаде, двери всех домов открыты для вас и весь наш маленький мирок встречает вас приветливо, старается всячески вам помочь.

Рикит из Камарты лет пятнадцать тому назад оставался у Полдера из Кумаона. Поначалу он рассчитывал пробыть у него дня два, но приступ ревматизма уложил его в постель, и он на добрых полтора месяца выбил Полдера из колеи, не дал ему работать и, в довершение всего, едва не умер у него в комнате. И что же, Полдер ведет себя так, как будто он на всю жизнь в долгу перед Рикитом, и каждый год посылает его маленьким детям ящик с игрушками и другими подарками. Мужчины, которые убеждены, что вы суший осел, и нимало не стараются от вас это скрыть, и женщины, которые всячески ругают вас за плохой характер и никак не могут примириться с привычками и вкусами вашей жены, разбиваются ради вас в лепешку, за болей вы или случись у вас какое несчастье.

Доктор Хезерлег, состоя на государственной службе, содержал еще на собственные средства больницу, «палаты для неизлечимых», как говорили его друзья, — на самом же деле это было нечто вроде ангара для лодок, поврежденных во время бури. В Индии часто бывают очень душные дни, а так как урочное число кирпичей, которые надо уложить за день, остается тем же¹, а единственная предоставляемая льгота — это возможность доделать урок в нерабочие часы, то люди время от времени не выдерживают и «срываются», как срываются сейчас метафоры у меня с языка.

Хезерлег — милейший из всех когда-либо живших докторов; всем своим пациентам он неизменно предписывает: «Ложась, кладите голову пониже, ходите поти-

¹ Ср.: «...а кирпичей наложите на них то же урочное число, какое они делали вчера и третьего дня...» (Исх. 5: 8).

ше и старайтесь не волноваться». Он говорит, что от переутомления гибнет столько людей, что никакими благими целями этого нельзя оправдать. Он утверждает, что именно переутомление погубило Пэнси, умершего у него на руках три года тому назад. Разумеется, у него есть право утверждать это безапелляционно, и он просто-напросто смеется над моей теорией, что у Пэнси в голове была щель, через которую туда проникла нечистая сила, и что она-то и прикончила его.

— Пэнси свихнулся, — говорит Хезерлег, — оттого что ему слишком долго не давали отпуска и он не имел возможности поехать домой. А поступил ли он на самом деле подло с миссис Кит-Уэссингтон, мы в точности не знаем. Я считаю, что работа в Катабунди-селлмент довела его до полного изнеможения: от этого он и сделался задумчивым и принял слишком близко к сердцу самый обыкновенный флирт в письмах. Не приходится сомневаться, что он был помолвлен с мисс Мэннеринг и что это она отказалась выйти за него замуж. А он еще вдобавок простудился — тут ему в голову и полезла вся эта чертовщина. От переутомления он захворал, от переутомления расхварывался все больше и больше, от него же потом и умер, бедняга. Спишите его за счет всей системы — один человек работал за двоих, если не за троих.

Я с этим не согласен. Мне не раз доводилось сидеть у постели Пэнси — случалось это обычно, когда Хезерлег уходил на вызовы, а я оказывался где-нибудь неподалеку. Несчастный доводил меня до совершеннейшего отчаяния, описывая своим тихим, ровным голосом процессию — мужчины, женщины, дети, черти, — которая, как он говорил, все время проходит у его изголовья. Рассказывать так упоенно умеют только душевнобольные. Когда он пришел в себя, я посоветовал ему записать все с начала до конца, зная, что этим он облегчит себе душу. Если мальчишка узнал какое-ни-

Киплинг Р.

К 42 Город Страшной Ночи и другие мистические истории : рассказы, повести, стихотворения / Редьярд Киплинг ; пер. с англ. В. Дорогокупли, Е. Романовой, Н. Сечкиной и др. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 416 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-24748-2

Редьярд Киплинг — знаменитый писатель, поэт и новеллист, первый англичанин, получивший Нобелевскую премию по литературе. Пожалуй, редко у кого столь удачно складывалась литературная судьба: произведения Киплинга восторженно принимались критикой и переводились на три десятка языков, гонорары оказывались рекордными, при жизни автора было издано четыре собрания сочинений — случай поистине уникальный. «Город Страшной Ночи и другие мистические истории» — это сборник мистико-фантастической прозы прославленного классика. Здесь призрачную повозку-рикшу сопровождают лакеи в черно-белых ливреях, приворотный амулет помогает хозяину, только если был украден, и желательно с кровопролитием, а боги индуистского пантеона обсуждают в ночи после паводка, дать ли устоять исполинскому мосту, возведенному строителями с таким трудом...

Многие рассказы и повести, составившие этот сборник, на русский язык переведены впервые, другие представлены в новых переводах, остальные — в новой редакции.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

РЕДЬЯРД КИПЛИНГ

ГОРОД СТРАШНОЙ НОЧИ И ДРУГИЕ МИСТИЧЕСКИЕ ИСТОРИИ

Ответственный редактор Александр Гузман
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Дмитрий Капитонов, Юлия Теплова

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать / Баспага қол қойылды 13.12.2023.
Формат издания 76 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 18,33. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19, E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19, E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге, 191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А, Тел. (812) 327-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШҚ филиалы, 191123, Санкт-Петербург, Воскресенская жағалауы, 12-үй, А лит., Тел. (812) 327-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ООО «Тверской полиграфический комбинат».
170024, Россия, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34. Телефон/факс: (4822) 44-42-15
Home page — www.tverpk.ru. Электронная почта (E-mail) — sales@tverpk.ru

Y-AKB-33729-01-R